

А.Н. Богачук

ЯРОСЛАВЛЮ

Бриллиант Золотого Кольца,
Занесённый в анналы ЮНЕСКО,
Ярославль. По-над Волгою фреска,
Зашифрованный лик мудреца.

Скромн град. Походи... Помолчи...
Некичливый, но всё же, заметьте,
Был столицей Руси в лихолетье,
Благодарны ему москвичи.

Стены Спасского монастыря
Сохранили нетленное «Слово».
Мы к нему обращаемся снова,
Душу русскую боготворя.

Ярославль... Не постичь до конца
Испытаний судьбой и мечтою,
Так сияй по-над Волгой-рекою,
Бриллиант Золотого Кольца.

У вдохновенья есть отвага,
Душа, презренная бумага,
Есть то, незримое, от Бога,
Везенья чуть, любви немного

И адский труд, и в вечность двери...
Воздастся каждому по вере.

Игра словами...Буквы...Звуки...
Святое дело для науки,
Но для познания души
Иной поэтикой дыши,
Себе палач, светло и строго,
Поближе к Пушкину и к Богу.

Слепой глухому - не стони,
Лик божий вижу за рекой...
По ком-то колокол звонит -
Ответил сумрачно глухой...

Я знаю - это крестный ход -
Помедлив, произнёс слепец...
Глухой скривил усмешкой рот -
Покойник, право, был подлец...

И так до самого утра
Их разговор неспешно шёл -
Вошла больничная сестра,
Обоим сделала укол.

И я ни капли не совру,
Мы зачастую, видит Бог,

Ведём подобный диалог
И ждём больничную сестру.

Вдыхаю время с чистого листа.
Счёт на секунды. Бесполезен спор.
В природе нет уродства. Красота
Переполняет чувственный простор,
Переплавляя в музыку души
Бездонный мир. Божественную суть
Спешу познать, но медленней спешу.
Не закольцован бесконечный путь.

* * *

Однажды хмурый идиот
Проснулся, чуть дыша,
Сигару тут же сунул в рот,
Оделся, не спеша.

Покрепче кофе заварил,
Передохнул слегка.
И у него хватило сил
На рюмку коньяка.

В прихожей грохнулся на стул,
Схватил... мое пальто,
Случайно в зеркало взглянул
И прохрипел - ну что...

Под нос ругаясь и ворча,
Поплелся за порог...
Неужто в старого хрыча
Я превратиться мог?

Тигры прыгают с тумбы на тумбу,
Сквозь горящие обручи - львы...
Дрессировщица мило и тупо
Им сигналил кивком головы

И с улыбкой людского разлива
Утверждает команды хлыстом -
Смотрит львица и зло, и тоскливо,
С обречённо поджатым хвостом...

Вот бы встретиться нам в Гуджарате,
На свободе, один на один,
Показала бы я смеха ради,
Кто из нас на Земле господин.

Лишь зрачки бы зажгла вполнакала,
Шевельнула бы лапою я -
Ты бы выше деревьев скакала,
Цирковая хозяйка моя...

Размечталась... Расслабилась... Трубы
Затрубили - погасли глаза.

Тигры прыгают с тумбы на тумбу,
И зверям аплодирует зал.

Ах, какое утро, белое-пребелое,
В снежной беспредельности солнце оробелое...
Мысли зарываются в рыхлые сугробы,
Сердце разрывается вроде бы... с чего бы.
Вышел растревоженный - радости ни грана,
Снег с себя прохожие стряхивают рьяно,
Словно биороботы, а живые вроде,
Стряхивают белое - чёрными уходят.

ГАНИНА ЯМА

Ганина Яма. Суров и неистов
День по-уральски. Церквушки-игрушки
И прихожане, отнюдь не старушки -
Мы, россияне, отнюдь не туристы.

Шахта. Дымящийся плеск Иордани.
Служба пресветлая. Сосны свечами.
Вьётся душистый дымок над печами.
Место священное. Место страданий.

Ганина Яма. Приют Стратотерпцев.
Крест-мощевик от Семьи убиенных.
Царские стоны плывут над вселенной...

И замирает от ужаса сердце.

Монастырь Святых Царственных Страстотерпцев
под Екатеринбургом. (Заброшенный рудник Ганина Яма)
Место захоронения Царской семьи.

Опять беснуется метель,
Опять кому-то нынче плохо...
Не запирайте в доме дверь,
Не занавешивайте окон.

Зажгите свет. Согрейте чай.
Читайте книгу, если спится,
И ждите... Кто-то невзначай
В окошко ваше постучится.

И распахните дверь тогда,
Впустите, зла не замечая,
Узнайте, в чём его беда,
И напоите крепким чаем.

Утихнет вскоре белый бред,
И зло растает понемногу,
И солнце высветит рассвет,
И позовёт двоих в дорогу.

Опять беснуется метель,
Опять кому-то нынче плохо...
Не запирайте в доме дверь,
Не занавешивайте окон.

Здравствуй, дождик длинноногий,
Пропляши над полем вкось
И в дороге на дороге
Промочи меня насквозь.

Смой с лица патину пыли,
Что легла за эти дни,
Всё, что пели и любили,
Только смой, не обмани.

Пропляши и скройся где-то,
Снежной свежестью дыша,
Светлых песен недопетых
Беспечальная душа.

Спорили философы, физики и лирики
И теоретически, и в плену эмпирики,
Поняли незнание данной категории -
Дар ли, наказание ли, благодать ли, горе ли.
О, любви агностика, хотовариации
От самоиндукции до аннигиляции...
Всё перелопатила колдовская мистика,
То ли телепатия, то ли каббалистика,
Чёртово наитие, эгопритяжение...
Даже философия терпит поражение.

И в жизни, и в море бывает порой:
Бедя за бедой, как волна за волной.
Ни солнца. Ни света. И в трюмах вода.
И выхода нету. И страшно тогда.

И в жизни, как в море, пустыня вокруг,
И нелюди люди - ни сердца, ни рук.
Но есть в человеке звериная статья,
Чтоб выстоять. Выжить. Чтоб на ноги встать.

Но есть в человеке и выше зверья,
От Солнца, от Бога и от Бытия -
Великая Вера. И в бездне любой
Последнее слово всегда за тобой.

Горит буровая вторую неделю
И чёрные кольца пускает,
Курильщик - и только. И зря прилетели
Пожарники. Доля такая.

А чёрные кольца - зловещие торы,
Плывут в поднебесье, не тают.
Россия... Не только шальные просторы,
Земля изначально святая.

Россию пожарников пёстрая небыль

Спасает от бед и от боли,
А чёрные кольца не тают на небе...
Душа не отмолена что ли?

Оренбургская область.
Капитоновское месторождение
Буровая 50-20

В 1958 году в Ярославле на набережной Волги
был установлен памятник Н.А. Некрасову.

У Волги над Волгой Некрасов. Река,
Одетая в сизый бетон,
Давненько не слышала песнь бурлака,
Похожую больше на стон.

Блестит у причалов иная волна...
Некрасова строгий гранит
Беззвучным набатом на все времена.
Он душу народа хранит.

Глазеют туристы. Стихи и цветы...
Но, право, гламурная ярь
Поэту до фени. Он - бог простоты.
Народа певец и бунтарь.

У Волги над Волгой Некрасов. Стою
Без шапки... и чудится стон...
Неужто... Но верю в Россию мою.
Некрасову низкий поклон.

ИВАНУ СУРИКОВУ

(6.04.1841 - 6.05.1880)

Сермяжной правдой крестьянской доли
Наполнил душу безмерной болью.

Прожил непросто свой век недолгий
Поэт негромкий великой Волги.

Простые песни поются звонко
По всей России, рябиной тонкой,

Ямщицкой степью сердца тревожа...
Предать забвенью не дай нам, Боже.

Культуру сохраняют навеки
Музеи и библиотеки.